

Развитие судебной практики по гражданским делам: российско-китайские параллели¹ Civil Litigation Court Practice Development: Drawing a Russian-Chinese Parallel

Ирина Ильинична ЧЕРНЫХ,
доцент кафедры гражданского
и административного процесса имени М. С. Шакарян
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: iichernykh@msal.ru

Irina I. Chernykh,
Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
e-mail: iichernykh@msal.ru

© Черных И. И., 2025

DOI: 10.17803/2587-9723.2025.8.076-083

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ развития судебной практики по гражданским делам в России и Китае в контексте общемировых трендов развития не только права, но и общества в целом на этапе цифровой трансформации и идеологизации, в том числе гражданского судопроизводства. В статье выявляются параллели между двумя правовыми моделями и демонстрируется, как обе страны адаптируют судебную практику для усиления действия «мягкой силы» в качестве инструмента внутренней стабильности и международного влияния.

Ключевые слова: судебная практика, цифровизация, концепция «мягкой силы», судебная политика, медиация, судебные реформы

Abstract. This article presents a comparative-legal analysis of the development of judicial practice in civil matters in the Russian Federation and the People's Republic of China, situated within global trends that affect not only law but society more broadly at the current stage — notably digital transformation and increasing ideological influence, including within civil procedure. By identifying parallels between the two legal models, the article shows how both countries adapt judicial practice to strengthen “soft power” as an instrument of domestic stability and international influence.

Keywords: judicial practice; digitalization; soft power; judicial policy; mediation; judicial reform

Особое положение суда среди органов государственной власти в деятельности по обеспечению реального полного постоянного воспроизводства и гарантированности прав граждан и организаций обусловлено приоритетной юридической

силой правообеспечительной юридической деятельности по отношению ко всем публично-властным субъектам и обязательностью для них судебных решений². Но особую роль суд играет не только во взаимодействии с государственным

¹ Статья подготовлена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

² Амирбеков К. И. Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 14.

аппаратом. Более значимо то обстоятельство, что исторически суд стал исключительной платформой для разрешения социальных конфликтов. Правоприменительная судебная практика, по сути, является глобальным отражением как национальной, так и общецивилизационной правовой культуры. Таково, по нашему мнению, идеальное предназначение судебных органов в государстве.

Вместе с тем роль в поддержании порядка и справедливости в определенных государственных режимах может трансформироваться и стать исключительно проводником государственного влияния. Тогда судебное правоприменение совмещается с продвижением государственных ценностей и идеалов, начинает действовать как инструмент ненасильственного политического влияния.

В этом контексте российская и китайская судебные системы демонстрируют поразительные примеры параллелей, используя правосудие в качестве средства «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» обоснована известным политологом Джозефом Наем³. Он определяет «мягкую силу» как способность привлекать сторонников через культурные и институциональные ценности вместо прямого насилия или силы. И хотя она в основном используется в международном публичном праве, полагаем, ей давно пора покинуть академическо-дипломатические рамки и продемонстрировать свои возможности в оценке влияния судебной практики на общественное сознание. Именно Россия и Китай являют пример того, как суды держат тонкий баланс между строгой интерпретацией законов и выполнением идеологической миссии. Они не только применяют правовые нормы, но и формируют общественное сознание, укрепляя тем самым государственные интересы «под предлогом» правосудия.

Жанна Л. Уилсон находит объединяющее основание для исследования правовых практик двух стран, утверждая, что Россия и Китай испытывают серьезное влияние периода авторитаризма в истории своего становления, а также выделяет их в особую подкатегорию в связи с общим наследием в виде приверженности коммунистическому опыту, что существенно влияет на их характер и национальную идентичность⁴. Полагаем, России и Китаю более остальных государств органично принять в качестве национального приоритета всестороннее и эффективное развитие «мягкой

силы» как во внешней, так и во внутренней политике. Суд как государственный агент «мягкой силы», имеет для такой роли все основания в обоих государствах. Этому в первую очередь способствуют институциональные основы судебной «мягкой силы».

Исторически обусловленной характеристикой современной судебной системы как России, так и Китая является доминирование идеологических установок и контроль над их соблюдением. Такая характеристика сопрягается с отсутствием квалифицированных кадров, подготовленных для судебной работы, что было свойственно для периода падения монархий в Китае (1911 г.) и России (1917 г.) и создания молодых государств с соответствующим их задачам командно-административным типом управления. Это позволяло партии продолжительное время управлять судебным процессом и формировать его направления.

Еще одной сходной чертой является серьезное влияние на правоприменительную практику руководящих разъяснений. А. В. Данышин исследует роль так называемых руководств для судей. В отличие от официальных изданий, в большей степени дающих теоретическую картину функционирования судебной системы, такие пособия, авторами которых являлись, как правило, бывшие высокопоставленные чиновники, показывали, какой она является на самом деле в процессе ее практического функционирования⁵. В России Верховный Суд РФ также играет уникальную роль, фактически выступая в качестве нормотворца через свои руководящие разъяснения.

Институциональные основы судебной власти в обеих странах иллюстрируют, как контроль и централизация судебной системы не только обеспечивают правоприменение, но еще и служат вспомогательными механизмами реализации политики «мягкой силы» в статике.

Теперь целесообразно сместить акцент на динамический аспект развития судебной практики по гражданским делам обеих стран как платформу «мягкой силы». Принципиальный вектор эволюции процессуальных моделей судопроизводства по гражданским делам можно определить следующим образом: от традиций к инновациям. Как отмечает С. В. Тихонова, прошлое и память о нем играют все большую роль в правовой доктрине, при этом в процессах реконструкции истории возрастает значение цифровых технологий. Цифровые технологии как медиа становятся в бук-

³ Най Д. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск ; М. : Тренды, 2006.

⁴ Jeanne L. Wilson. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct: Russia and China Respond to Soft Power // URL: https://www.researchgate.net/publication/275588708_russia_and_china_respond_to_soft_power_interpretation_and_readaptation_of_a_western_construct_russia_and_china_respond_to_soft_power.

⁵ Данышин А. В. «Руководства для судей» в императорском Китае: поиск компромисса между теорией и практикой судебного процесса // Теория и практика общественного развития. 2019. Вып. № 9. С. 54—60.

вальном смысле посредником между прошлым и настоящим, между нашими предшественниками и нами — представителями цифровой эпохи в социально-гуманитарном дискурсе⁶.

Автор констатирует, что медиальный поворот, переходящий в мемориальный, — это контекст развития не только права, но и общества в целом на современном этапе. Это весьма важное наблюдение, поскольку концепция «мягкой силы» основывается, помимо политических ценностей, на культуре (в том числе юридической) страны. Оба государства, и Россия и Китай, нацелены на поддержание своей национальной идентичности, делают акцент на своих культурных и исторических ценностях. В качестве источника «мягкой силы» Россия и Китай эффективно используют свои языки и культурное наследие. При этом сближает правовые системы в современный период необходимость обеих стран поддерживать постоянную бдительность в отношении признаков проникновения западных идеалов, которые угрожают дестабилизировать их политические структуры и общественное сознание.

Отвержение норм и ценностей либеральной демократии в том виде, в каком они определены Западом, демонстрирует вновь обретенную важность идей и ценностей, а не материальных возможностей как платформы для прогрессивного развития. Кроме того, и это принципиально для данного исследования, в период ассимиляционной перестройки национальной идентичности и интересов в соответствии с доминирующими представлениями о мировых ценностях демократии, именно суд как орган, функционально ответственный за снятие социальной напряженности путем разрешения конфликтов в сфере гражданского оборота, берет на себя демонстрацию способности государства осуществлять власть, протекающую из трех источников: «ожидание выгод, боязнь неблагоприятных последствий, уважение или любовь к людям и институтам»⁷.

Ярко выраженный конфуцианский подтекст всей китайской культуры предопределяет важную характеристику судебной практики в Китае: стремление к гармонизации традиционных конфуцианских принципов с современными правовыми нормами. Конфуцианство, наложившее отпечаток и на юридическую культуру страны, строится на идеалах согласия, устойчивости общества и значимости межличностных отношений. Эти принципы провозглашаются как основа и для современных подходов к судебному разрешению гражданских споров.

Динамику исторического развития судебной практики в России в научной литературе не принято детерминировать началами морали и нравственности. Между тем во многих исследованиях ставится вопрос об оценке справедливости отечественного судопроизводства. Это понятие, относящееся к разряду категорий, не поддающихся однозначному определению, тем не менее весьма подходит к контексту данных рассуждений, потому что непосредственно связано с характеристикой справедливого суда как защитника и выразителя общественных, публичных интересов, поддерживаемых государством. Ю. В. Оспенников, анализируя раннесоветский период российского судопроизводства, замечает: "...справедливость судебной системы непосредственным образом зависит от существующих общественных отношений».

Полемизируя с ним, А. Ю. Митрофанов полагает, что исследователь права должен быть свободен от политэкономического и идеологического догматизма в своих оценках, и, на конкретных историко-юридических прецедентах показывая карательную сущность раннесоветской юстиции, объясняет ее не через правовое явление, а через социальную ненависть большевиков к представителям правившего ранее класса⁸. Тем не менее очевидно, что «наиболее многогранная правоприменительная роль социалистического правового сознания проявилась в деятельности народных судов», именно она «стала ключом к пониманию законов и их применению в условиях частых изменений в государственной политике»⁹.

Тема справедливости, морали в соотношении формального закона и судебной практики исторически занимала важное место как в Китае, так и в России. Оба государства, несмотря на разные культурные и идеологические контексты, продемонстрировали интерес к вопросам этики и социальной справедливости в правоприменении. В этом контексте можно рассмотреть, как судьи разных эпох интерпретировали законы, принимая во внимание моральные аспекты права.

В императорском Китае судьи нередко имели возможность отклоняться от строгого соблюдения законов, исходя из моральных соображений. Это было во многом обусловлено конфуцианскими принципами, согласно которым добродетельные качества и нравственность являются важнейшими аспектами правосудия. В конфуцианстве ценность «благородного мужа» (*цзюньцзы*) — определяется не только обладанием знаниями, но и высоким уровнем нравственности. Для судей это означа-

⁶ Тихонова С. В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. С. 6.

⁷ Morgenthau H. Power Among Nations. New York, 1973. P. 28.

⁸ Митрофанов А. Ю. К вопросу о справедливости раннего советского судопроизводства. Историко-правовой комментарий к тезисам Ю. В. Оспенникова // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 111—119.

⁹ Шатковская Т. В., Диденко М. С. Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917—1928 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1 (158). С. 11—21.

ло, что в своих решениях они должны учитывать обстоятельства дела, личные мотивы сторон и потенциальные последствия своих решений. Указания на важность этики в правосудии фактически создавали пространство для судебных усмотрений, позволяя достигать справедливости даже в случаях, когда применение строгого закона могло привести к неэтичным результатам. Можно с уверенностью сказать, что сегодня суд, как и прежде, активно участвует в формировании «правильных» ценностей, ценностно ориентированного общественного сознания, разрешая гражданские дела в идеологически чувствительных сферах.

В обеих странах наблюдается рост дел, связанных с защитой исторической памяти и патриотических символов. Российские суды рассматривают заявления об установлении факта геноцида народов Советского Союза в годы Великой Отечественной войны по поручению генпрокурора РФ¹⁰. Весьма заметны примеры судебной практики, показывающие важность защиты религиозных чувств верующих¹¹, или судебные акты, основанные на широком толковании понятия «общественная нравственность»¹². Таким образом, осуществление гражданами прав и свобод (свободы мысли и слова, свободы творчества, права иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними, свободы распространения информации и т.д.), предполагающих внешнее выражение личной автономии, демонстрирующее явное неуважение к обществу и противоречащее общепризнанным нормам, сложившимся в рамках исторического и культурного наследия народов России, носит общественно опасный и противоправный характер¹³.

Китайские суды столь же активно защищают образ «героев революции»¹⁴ и борются с историческим нигилизмом¹⁵.

Общественная нравственность служит ориентиром и при разрешении экономических споров, конкретизируя и усиливая применение принципа добросовестности участников гражданских отношений. Исследуя тенденции развития современного гражданского процесса Китая, Г. Нань отмечает, что принцип добросовестности называют «царственным принципом» современного гражданского законодательства. Он обязывает субъектов рыночной экономики действовать в духе честности, соблюдать принцип наивысшего доверия, исполнять обещания. Однако он также важен и как принцип административной добросовестности, добросовестности в регулировании общественных отношений и общественного доверия к правосудию¹⁶. Как видим, через свои органы, и прежде всего через суды, оба государства демонстрируют способность осуществлять власть. С этой точки зрения именно судебная практика по гражданским делам функционирует сегодня как инструмент «мягкой силы».

Еще одним значимым вектором развития судебной практики как инструмента «мягкой силы», пожалуй, можно обозначить цифровизацию. Она выступает в качестве ключевой платформы развития и ключевого драйвера, поскольку именно стремительная цифровая трансформация является наиболее яркой параллелью в современной динамике российского и китайского гражданского процесса. Китай — одно из первых государств, в котором концепция «умных судов» возведена в ранг национальной стратегии. Внедрение систем искусственного интеллекта для анализа дел, прогнозирования решений и даже рекомендаций судьям преследует цели беспрецедентной эффективности и единообразия¹⁷.

Онлайн-платформы разрешения споров в Китае сегодня обрабатывают миллионы мелких

¹⁰ Такие заявления поданы во всех регионах, которые во время Великой Отечественной войны пострадали от фашистской оккупации. См., например: URL: <https://rg.ru/2023/05/25/prokuratura-prosit-sud-priznat-genocidom-prestuplenie-nacistov-v-gody-voyny-v-podmoskove.html> ; URL: <https://vesti-tver.ru/dailynews/tverskaya-prokuratura-napravila-v-sud-zayavlenie-o-priznanii-fakta-genotsida-narodov-sssr>.

¹¹ См., например: определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2025 № 88-6401/2025 (УИД 50RS0007-01-2023-005541-09) ; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2023 № 20АП-9012/2022 по делу № А09-10726/2021.

¹² См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.08.2024 № Ф09-3917/24 по делу № А47-15587/2021 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу № 88-17749/2023 (УИД 31RS0021-01-2022-000769-74).

¹³ См.: определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹⁴ URL: <https://cont.ws/@epochtimes/553274>.

¹⁵ URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/3297311.html>.

¹⁶ Нань Гун. 2020. Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 192—206.

¹⁷ См., например: Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР // URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633 ; Волков К. В Китае введут систему «умного суда» // URL: <https://rg.ru/2021/03/15/v-kitae-vvedut-sistemu-umnogo-suda.html>.

исков, и прежде всего потребительских и трудовых, демонстрируя гражданам способность государства оперативно решать их проблемы, что является важнейшим аспектом внутренней «мягкой силы». Однако эта цифровая эффективность имеет, на наш взгляд, оборотную сторону: риск дегуманизации правосудия, снижения роли устного состязательного процесса и усиления влияния центральных судебных органов на решения, принимаемые судами нижестоящих инстанций¹⁸.

Российская цифровизация развивается менее революционно, но также нацелена на повышение доступности и прозрачности с акцентом на модернизацию существующих институтов. За последние годы удалось настроить сервисы для подачи документов онлайн, ввести систему электронного извещения участников процесса, их ознакомления с материалами дела и т.п. Эти меры действительно повысили доступность правосудия. Но пока сохраняются проблемы, с которыми, конечно, сталкиваются во всем мире: «цифровой разрыв» между отдельными группами населения, риски кибербезопасности и утечки данных. Но в ближайшее время следует ожидать ускорения темпов цифровизации в связи с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы определена в качестве национальной цели развития государства¹⁹. Важно, чтобы российская модель цифровизации сохранила традиционные гарантии судебной процедуры, постепенно адаптируя их к новым технологическим реалиям.

Максимально наглядно тренд цифровизации проявляется на примере деятельности судов по рассмотрению «повседневных, массовых» дел. Умение решать житейские проблемы людей быстро, предсказуемо и с максимальным для них удобством — тоже демонстрация эффективности судебной власти в качестве инструмента внутренней «мягкой силы». Ключевые инструменты здесь — уже упомянутые платформы для подачи исков, обмена документами, проведения заседаний и вынесения решений, а также приказное

производство и упрощенное производство, разработка систем межведомственного электронного взаимодействия между судами и иными государственными органами.

Китайский опыт цифровой трансформации судебной системы отличается более системным характером. Так, судебные решения по гражданским делам интегрированы в систему социального рейтинга. Общественная полезность, общественный интерес — приоритет при разрешении судебных гражданских дел. В годовом отчете о судебном надзоре за коммерческим арбитражем Верховного народного суда за 2023 г. приводится наглядный пример применения судами «принципа общественного порядка и добрых обычаев». В январе 2022 г. Ли подал заявление в арбитражную комиссию об арбитраже на основании кредитного контракта, подписанного между ним и Ваном, с требованием вернуть 1 млн юаней. В августе 2022 г. арбитражная комиссия постановила, что Ван выплатил Ли основную сумму долга и проценты по кредиту. Ван утверждал, что арбитражный суд проигнорировал тот факт, что ссуда, фигурировавшая в деле, предназначалась для финансирования азартных игр. Он охарактеризовал дело как простой частный заем, который нарушал принцип общественного порядка и добрых обычаев, и обратился в Народный суд промежуточной инстанции с просьбой отменить вышеупомянутое арбитражное решение. Как отмечено в отчете, это дело является типичным случаем, когда народные суды поддерживают общественный порядок и добрые обычаи в соответствии с законом, а также продвигают основные социальные ценности²⁰.

Суды играют роль канала реализации государственной политики и ее «мягкой силы». Суды действуют как агенты, легитимируя государственное регулирование через правоприменение в целях поддержания правовой стабильности, предотвращения системных рисков и учета интересов национальной безопасности. Особенно актуализировалась эта функция в современных геополитических условиях, когда максимально важна защита «стратегических» предприятий²¹ в санкционном контексте. Суды не просто ней-

¹⁸ См. подробнее, например: Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы : монография / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцов, А. В. Чайкина, И. И. Черных ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Infotropic Media, 2022.

¹⁹ Российская газета. 11.05.2024. № 100.

²⁰ URL: <https://www.jiemian.com/article/10680315.html>.

²¹ В определении Конституционного Суда РФ от 18.06.2020 № 1106-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной компании «Канриг Дриллинг Текнолоджи Кэнада Лтд.» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 6 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»» разъяснено, что отнесение деятельности общества к регулируемой специальным порядком совершения сделок иностранным инвестором (геологическому изучению недр и (или) разведке и добыче полезных ископаемых на участках недр федерального значения) является прерогативой правоприменительных органов (в том числе

трально разрешают споры, а интерпретируют договоры и выбирают соответствующие публичным интересам правовые инструменты, что формирует поведение рынков и ожидания участников.

Так, например, в одном из рассмотренных Арбитражным судом Северо-Кавказского округа дел отказано в удовлетворении требований общества о предоставлении субсидии. Решение основывалось на интересах государственной политики в развитии виноградарства. Министерство сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края, чей отказ оспаривался обществом, указало на нарушения, выявленные Счетной палатой РФ в ходе аудита, касающиеся субсидирования затрат на приобретение посадочного материала виноградных насаждений иностранного производства. Субсидии призваны поддерживать только отечественное производство, что соответствует основным направлениям государственной политики в этой сфере. Апелляционный суд подтвердил обоснованность отказа, отметив, что в законе не предусмотрено субсидирование затрат на иностранный посадочный материал²².

Конкретизируют государственную политику через частноправовые споры и суды Китая. Высший народный суд провинции Гуандун рассмотрел требование об отмене арбитражного решения, связанного с виртуальной валютой Litecoin. Суд постановил, что виртуальные валюты не обладают юридическим статусом законного платежного средства и, следовательно, не могут быть использованы для осуществления финансовых операций. Коммерческая деятельность с использованием виртуальных валют признана незаконной и подлежит строгому запрету, согласно законодательству. В данном случае арбитражное решение основывалось на соглашении между Ли Муму и Ченом Муму о конвертации Litecoin в юани. Арбитраж постановил, что Ли Муму должен вернуть юани и проценты, что фактически поддерживало обмен между виртуальной валютой и законным платежным средством, игнорируя общественные интересы. Верховный народный суд согласился с необходимостью отмены арбитражного решения, так как оно способствовало легализации незаконной финансовой деятельности, нарушающей финансовый порядок и стабильность²³.

Таким образом, суды демонстрируют бизнесу необходимость предварительно учитывать поли-

тические и экономические реалии при заключении контрактов. Важно включать в них оговорки о санкциях и механизмы сотрудничества с государственными регуляторами.

Вместе с тем велика ответственность судов как проводников «мягкой силы» за минимизацию политических и институциональных рисков. На их плечи ложится функция поиска баланса между предсказуемостью права и политической гибкостью. Действительно, если суды при принятии решений выводят на передний план государственную политику, прикрывая отступления от формального содержания нормы права, это снижает доверие к правосудию; если же они игнорируют публичный интерес — растет риск связанных с ним системных последствий. В этой связи не лишним будет в очередной раз «исполнить оду» мотивированности судебных решений: прозрачные и подробно аргументированные решения уменьшают неопределенность и повышают легитимность такого рода судебного правотворчества.

Еще одним вектором «мягкой силы» является стремление государства стимулировать медиацию и примирение как средство сбережения социального капитала — деловых и личных связей, сохранения социальной гармонии и стабильности.

В Китае существует системная медиативная модель, которая включает многоуровневую медиативную инфраструктуру. На первичном уровне действуют народные комитеты по медиации, которые решают бытовые и общественные споры. Судебная медиация, специализированные интернет-суды и онлайн-платформы способствуют быстрой медиации многочисленных споров в сфере электронной коммерции. При этом органы власти, суды, местные комитеты работают «в связке», примирительные процедуры поддерживаются государственными ресурсами и всячески стимулируются. Можно сказать, что досудебное разрешение споров для Китая — повседневная практика. Существует мнение, что для китайцев поход в суд — это фактически объявление войны, поэтому любые споры там решаются прежде всего медиацией, а на досудебном урегулировании строится вся судебная система Китая²⁴.

В России же привычка решать спор через противостояние — элемент культурного кода. Люди склонны обострять конфликт и концентрироваться на доказательстве своей правоты, а не на поис-

арбитражных судов, которые обязаны при разрешении соответствующих вопросов учитывать все юридически значимые обстоятельства конкретного дела) (СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=arb&n=633150#cjftwtukcydex8y>).

²² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.08.2023 № Ф08-8267/2023 по делу № А32-42314/2022.

²³ URL: <https://www.jiemian.com/article/10680315.html>.

²⁴ «Дракон» и «медведь» — судебные системы Китая и России // Legal Insight 2023. № 9. URL: https://legalinsight.ru/interview/dragon-i-medved-sudebnye-sistemy-kitaya-i-rossii/#_ftnref1.

ке взаимовыгодного решения; это переносится и в бизнес-среду, где руководители нередко автоматически выбирают суд как единственный способ разрешения спора. Суд, вынося решение, как будто снимает со сторон бремя ответственности за собственный выбор. И именно нежелание брать на себя эту ответственность является еще одним серьезным препятствием для развития медиации и примирения. К другим факторам, препятствующим развитию медиации, относятся неопределенность степени профессионализма медиаторов (должен ли это быть юрист, психолог, иной специалист или просто человек, предрасположенный к бесконфликтному общению, с жизненным опытом); недостаточная информированность населения относительно самой процедуры медиации (судебный процесс понятней, проявляется больше доверия к институциональной защите прав²⁵).

Как видим, даже беглый охват пути развития судебной практики показывает полноценность ее как части правовой системы. В. В. Момотов отмечает необходимость закрепления за практикой судов высшей инстанции статуса источника права, что повысит определенность правоприменения, создаст для законодательства обратную связь и поможет сбалансировать судейский активизм с императивами законодателя²⁶.

Параллельное развитие гражданского судопроизводства в России и Китае показывает его трансформацию в инструмент «внутренней мягкой силы» — механизм укрепления социальной стабильности и легитимности власти через доступное правосудие. Однако ненормированная возможность «маневра правоприменителя в лице судьи»²⁷ способна породить системные риски, угрожающие самой природе правосудия:

— во-первых, цифровизация и автоматизация рискуют породить механистическое правосудие. Экспансия шаблонных решений без «чело-

века в цикле» (human in the loop)²⁸ подрывает индивидуальное усмотрение судьи и учет им контекста обстоятельств дела;

— во-вторых, настойчивое стремление к максимальному повышению единообразия судебной практики может сделать судебную систему уязвимой к политическому давлению. Единые методические указания, «упреждающие» разъяснения вышестоящих судебных инстанций и иных органов, стандартизация решений сужают судебную автономию, угрожая превратить правосудие в инструмент оперативного управления;

— в-третьих, возможно проявление инструментализации процесса. Если мотивировать в судебных решениях отступления от буквы закона «социальной справедливостью», «экономической целесообразностью», «профессионализмом участников отдельных правоотношений» и подобными «инструментами», цели правосудия могут начать подчиняться государственной повестке.

В условиях данного парадокса дальнейшее развитие судебной практики по гражданским делам Российской Федерации и Китайской Народной Республики требует выработки уравновешенной политики, которая сочетала бы модернизацию с гарантиями независимости правоприменителя и с обеспечением процессуальных прав участников производства.

Взаимное изучение российского опыта балансирования традиционных гарантий правосудия с цифровизацией и китайской практики масштабной технологизации судебной системы перспективно для выбора рациональных реформ, позволяющих минимизировать риски дегуманизации правосудия, оптимизировать ресурсные затраты и усилить легитимность судебной власти как инструмента национального развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амирбеков К. И. Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2005.
2. Богданов К. Почему медиация не приживается в гражданском обществе // URL: <https://companies.rbc.ru/news/PnQmLs9LLE/pochemu-mediatsiya-ne-prizhivaetsya-v-grazhdanskom-obschestve/>.

²⁵ Богданов К. Почему медиация не приживается в гражданском обществе // URL: <https://companies.rbc.ru/news/PnQmLs9LLE/pochemu-mediatsiya-ne-prizhivaetsya-v-grazhdanskom-obschestve/>.

²⁶ Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 3—10.

²⁷ См. подробнее: Самсонова М. В., Черных И. И. От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 51—62.

²⁸ HITL — это отрасль искусственного интеллекта, которая опирается как на человеческий, так и на машинный интеллект при создании моделей машинного обучения. Выражение «человек в цикле» означает, что люди участвуют в алгоритмическом цикле обучения, настройки и тестирования.

3. Волков К. В Китае введут систему «умного суда» // URL: <https://rg.ru/2021/03/15/v-kitae-vvedut-sistemu-umnogo-suda.html>.
4. Даньшин А. В. «Руководства для судей» в императорском Китае: поиск компромисса между теорией и практикой судебного процесса // Теория и практика общественного развития. — 2019. — Вып. 9. — С. 54—60.
5. Митрофанов А. Ю. К вопросу о справедливости раннего советского судопроизводства: историко-правовой комментарий к тезисам Ю. В. Оспенникова // Христианское чтение. — 2023. — № 4. — С. 111—119.
6. Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства: российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. — 2022. — № 9. — С. 3—10.
7. Най Д. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. — Новосибирск ; М. : Тренды, 2006. — 221 с.
8. Нань Гун. Новые тенденции и особенности развития системы гражданского процессуального права Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2020. — Право. — № 1. — С. 192—206.
9. Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР // URL: https://zakon.ru/blog/2020/05/02/pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr_83633.
10. Самсонова М. В., Черных И. И. От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 2. — С. 51—62.
11. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2024.
12. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы : монография / М. В. Самсонова, Е. Г. Стрельцов, А. В. Чайкина, И. И. Черных ; отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Infotropic Media, 2022. — 332 с.
13. Шатковская Т. В., Диденко М. С. Роль закона и социалистического правосознания в юридической практике советских органов власти и управления в 1917—1928 гг. // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 1 (158). — С. 11—21.
14. Jeanne L. Wilson. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct: Russia and China Respond to Soft Power // URL: https://www.researchgate.net/publication/275588708_russia_and_china_respond_to_soft_power_interpretation_and_readaptation_of_a_western_construct_russia_and_china_respond_to_soft_power.
15. Morgenthau H. Power Among Nations. — New York, 1973.